

ЗАПРЕТ КАК ЧАСТЬ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматривается проблема соотношения идеи и практики либерализма с одним из основных традиционных институтов культуры – институтом запрета. Ставится вопрос о возможностях сохранения культурной идентичности в либеральном обществе. Вводятся понятия «общество ценностей» и «общество норм», позволяющие прояснить структуру текущих и возможных взаимоотношений субъекта с социальной средой. Изложенная в статье точка зрения дополняет понимание социокультурных процессов, происходивших со второй половины XIX в.

Ключевые слова: запрет; либерализм; общество ценностей; общество норм.

«Культура начинается с запретов»... Под этой фразой Ю.М. Лотмана готовы поставить подпись многие мыслители социогуманитарной сферы. В то же время вряд ли кто-то будет спорить с тем, что одно из главных достижений мировой культуры, один из основных векторов ее развития – это либерализм, т.е. утверждение в качестве основы социального устройства свободы (а значит, по всей видимости, снятие запретов). Впрочем, на самом деле желающих поспорить с этим – идейных противников либерализма – немало. И действительно, уже одно лишь только что затронутое нами соотношение представлений о запрете как фундаменте культуры и о свободе как идеале либерализма порождает вопрос: совместимы ли эти вещи? И если нет, то какую из них следует признать более важной и достойной сохранения, а какую – ошибкой в историческом развитии культур? Если же они совместимы, то какую роль играет институт запрета в либеральной культуре? Какие запреты такая культура снимает и какие оставляет неизбежными или даже вводит?

Как известно, один из лозунгов «студенческой революции» 1968 г. звучал так: «Запрещено запрещать!». Казалось бы, это яркий, но внутренне абсурдный девиз. Однако при определенном осмыслении в нем можно увидеть не что иное, как одну из формулировок «золотого правила нравственности».

В классической форме это правило звучит так: «(не) поступай в отношении других так, как ты (не) хотел(а) бы, чтобы поступали в отношении тебя». С нашей точки зрения, именно этот принцип можно считать основой либерального общественного устройства, однако для этого необходимо уточнение его понимания. Стоит вспомнить, что Бернард Шоу, критикуя «золотое правило», предложил в качестве его альтернативы следующее: «не поступай с другими так, как ты бы хотел, чтоб они поступали с тобой! У них могут быть другие вкусы» [1]. И, нужно признать, этот призыв также является совершенно справедливым. Однако он не подбивает «золотого правила», а лишь делает необходимым уточнение его понимания. По словам Карла Поппера, «золотое правило – это хороший стандарт, который следует еще улучшить, уточнив, что по отношению к другим нужно поступать так, как *они хотят*, чтобы по отношению к ним поступали» [2]. Этот принцип впоследствии получил название «платиновое правило». Однако, как отметил Уолтер Теренс Стейс, в таком смысле можно понимать и само «золотое правило» [3].

Пожалуй, именно такой подход и следует считать действительно либеральным: да, либерализм – это утверждение свободы и отрицание запретов... но запре-

щать – запрещено. А чтобы выразить этот принцип еще более общо, обратимся к известной формулировке Канта: каждый имеет право на свободу в тех пределах, в каких это не нарушает свободу другого [4].

В итоге получается так, что утверждение свободы и ее защита налагают на человека и общество множество ограничений. Однако эти ограничения не являются проявлениями волюнтаризма отдельных личностей или социальных групп либо не обоснованными рационально установленными. Эта система норм рационально и с необходимостью обосновывается самим принципом уважения к свободе каждого индивида; и в этом смысле она является объективной. Многие из этих норм являются существенной частью традиционных институтов морали.

Однако такое решение поставленной проблемы влечет за собой еще один вопрос: если единственное, что охраняется в либеральном обществе, – это свобода, то как при таком общественном устройстве возможно сохранение и развитие культурной идентичности? Или же либеральный подход неминуемо ведет к расшатыванию общественных ценностей, поруганию неподготовленными массами высоких достижений культуры и погружению своеобразного лика культур в «плавыльный котел»?

Для того чтобы предложить подход к этой проблеме, необходимо ввести два понятия: «общество ценностей» и «общество норм», которые помогут яснее увидеть структуру текущих и (прежде всего) возможных взаимоотношений человека с социальной средой. Под обществом ценностей и обществом норм будут подразумеваться два разных принципа построения отношений между людьми, которые являются взаимодополнительными в современном мире. Стоит подчеркнуть, что под обществом в этом определении (и ниже по тексту) подразумевается не территориально ограниченный фрагмент социального субстрата, а именно взаимоотношения субъекта с другими субъектами, которые могут жить рядом с ним, а могут быть отделены от него в пространстве и даже во времени.

Для того чтобы пояснить смысл предлагаемых понятий, необходимо указать на тот факт, что современный человек входит во множество различных обществ. Иная ситуация – полного единства, единичности общества – возможна в чистом виде лишь в очень небольших культурах. Для нее необходимы следующие условия: 1) немногочисленность (в идеале – уровень, при котором каждый знает каждого); 2) уединенность от других культур, отсутствие сколько-нибудь выраженной коммуникации с ними; 3) однородная ценностно-нормативная структура культуры с равномерным и ус-

тойчивым традированием. В современном мире общество такого типа можно обнаружить (вернее, не обнаружить) очень редко: например, по недавно полученным сведениям, подобные изолированные племена и сейчас живут в бассейне Амазонки.

Положение же в развитых странах мира на сегодняшний день, как уже было сказано, принципиально иное: здесь человек одновременно включается во множество общественных конфигураций. Во-первых, неоднородной является реально доступная ему общественная среда: в семье, среди близких людей и друзей, в трудовом / учебном коллективе, различных сообществах по интересам признанные ценности, нормы, стереотипы поведения могут достаточно сильно различаться. Во-вторых, сегодня человек входит во многочисленные виртуальные общества в одностороннем (чтение книг, просмотр фильмов и т.д., влияющих на его ценностную / нормативную ориентацию) или двустороннем (различные формы дистанционного общения) порядке.

Основываясь на этом, можно вынести на обсуждение следующий тезис: в рамках либеральной общественной модели осознанная дифференциация таких подсистем, как общество норм и (различные) общества ценностей, предоставляет возможность для снятия социальных противоречий, снижения уровня насилия над личностью, заложенного в структуре социума, и гармоничного сосуществования и развития различных культур без их унификации. Что же под этим подразумевается?

В первую очередь кратко уточним содержание самих понятий «ценности» и «нормы». Ценности – это та часть мировоззрения человека, которую составляют ценностные суждения (или которая может быть ими выражена); чтобы избежать тавтологии, такие суждения можно назвать некогнитивными. Это суждения с такими предикатами, как «хорошо» и «плохо», «прекрасно» и «безобразно», «интересно» и «скучно» и т.д. Это все те представления человека о мире (включая его самого), которые выражают не объективное знание о действительности, а его собственное субъектное отношение; и в некотором смысле можно сказать, что именно они делают субъекта субъектом. Стоит отметить, что для человека с развитым абстрактным мышлением доступно осмысление собственных ценностных отношений в объективном ключе, когда ценностные суждения («это прекрасно») переводятся в так называемые реальные суждения («с моей точки зрения, это прекрасно»).

С Античности известны фразы «о вкусах не спорят», «человек есть мера всех вещей»; они говорят о том, что ценностные суждения человека – проявление его индивидуальных предпочтений, не сводимых к какому-либо общезначимым законам. И это верно, однако в то же время ценностная ориентация – все же дело не сугубо индивидуальное, во многом она традируется в культуре и принимается человеком в процессе энкультурации. И тем не менее справедливо будет сказать, что ценности человека – это выражение его свободы: ведь в итоге это именно его субъектное отношение, независимо от того, является оно уникальным или же всецело воспринятым от культурной среды. Отметим,

что, как правило, некоторые аспекты ценностной парадигмы достаточно жестко задаются в ходе социализации и энкультурации человека, но существуют и зоны произвольности, в которых индивидуальность предпочтений высока и очевидна (например, предпочтения в области искусства).

Под нормами в социогуманитарном контексте подразумеваются различные стандарты, которым подчиняются поведение и, шире, бытие людей. Это способы организации деятельности людей, позволяющие (в идеале) максимизировать ее позитивные результаты и минимизировать результаты негативные. На индивидуальном уровне для человека нормы – это те методы, которые позволяют ему добиваться своих целей (т.е. реализовывать свои ценности, удовлетворять свои потребности). На общественном уровне нормы – это методы организации взаимодействия между людьми, позволяющие минимизировать для людей негативные результаты взаимодействия друг с другом, а иногда и организовать совместную деятельность по достижению каких-либо целей.

Разумеется, такое понимание норм является идеалом, а в реальной жизни встречаются и нормы (законы, обычаи и т.д.), навязываемые отдельными людьми или социальными группами другим людям в своих интересах и в ущерб интересам этих других, а также нормы, просто не являющиеся правомерными с рациональной точки зрения. По поводу первого из этих случаев все ясно: подобные нормы (например, крепостное право) не служат максимизации свободы людей в обществе, а напротив, являются насилием отдельных людей или групп над другими людьми.

Второй случай намного сложнее. Нормы деятельности – первоначально в таких формах, как табу, – начали формироваться задолго до того, как человечество получило научные знания о мире. По этой причине первично нормы главным образом формировались не «сверху» (когда люди, исходя из своих знаний, сознательно формируют нормы своей деятельности), а «снизу» (когда действия, приведшие к позитивному результату или даже просто не приведшие к результату негативному, закрепляются как шаблон для дальнейшей деятельности без объяснения или с некоторым мифическим объяснением). Преимущество второго пути состоит в том, что он не требует абстрактного мышления и научных знаний, а также исключает создание вредной нормы из-за ошибки в теории; как показал К. Лоренц, формирование норм подобным путем наблюдается не только у человека, но и у животных. Однако его недостаток в том, что среди таких норм много лишних, неоптимальных или даже скорее вредных, чем полезных, либо ставших вредными в результате изменения обстоятельств. Развитие абстрактного мышления и научного подхода к миру позволяет переосмысливать старые нормы, улучшая их и отбрасывая лишние и вредные. Впрочем, это можно делать только очень осторожно, о чем предупреждал в своих работах еще основоположник функциональной школы в антропологии Б. Малиновский. В целом же следует признать, что два пути формирования норм – «снизу» и «сверху», индуктивный и дедуктивный – являются взаимодополняющими.

Вышесказанное следует дополнить, упомянув то важное обстоятельство, что существуют два типа отношения к нормам: ценностный и рациональный. Нормы свойственны человеческому обществу изначально, однако на ранних этапах развития общества доминирует именно ценностное отношение к ним. Это означает, что нормы не осмысливаются рационально как инструмент для достижения каких-либо целей, а принимаются как ценности, как самоцель. (Стоит отметить, что, по всей видимости, этим изначально ценностно-нормативным синкретизмом отчасти объясняется и тот синкретизм, который до сих пор царствует при обращении с понятиями «ценности» и «нормы» у многих авторов.) Ценностное отношение к нормам, разумеется, сохраняется и на более поздних этапах, у людей с развитым абстрактным мышлением и научным мировоззрением: ведь они понимают положительную роль целесообразных норм в жизни человека и общества; но это уже ценностное отношение иного типа – отношение к норме со стороны, а не сливающееся с ней самой.

Важным моментом является то, что ценности и нормы являются взаимозаменяемыми, альтернативными детерминантами поведения человека. Тот или иной тип поведения может быть обусловлен наличием у субъекта соответствующих ценностей или его следованием соответствующим нормам. Проще говоря, человек может делать что-то из-за того, что он этого хочет, либо же из-за того, что он этого должен.

Поддерживать в обществе единую, тотальную ценностную систему, чтобы сформировать у человека нужные ценности, – это более надежный путь к тому, чтобы добиться от него некоторого приемлемого поведения: ведь, имея соответствующее желание, человек будет сам прилагать силы и искать средства для его реализации, а запрет, напротив, может постараться обойти. Именно таким путем общество изначально и шло при воспитании своих новых членов.

Однако этот путь является отрицанием внутренней свободы человека. Если ценностная ориентация человека гармонирует с ценностными установками общества, то все замечательно. Но что делать тем «черным овцам», которые по каким-либо причинам не принимают общественных идеалов и стандартов? В обществе ценностей людям с иными ценностями нет места, в нем их ждет неминуемое поражение в правах (возможно, не официальное, но фактическое); избежать этого они смогут только скрывая свою истинную ценностную ориентацию, однако такое положение уже само по себе является насильственным.

Под обществом норм (которым и является либеральное общество) мы подразумеваем такой тип социальных взаимодействий, при котором не происходит вторжения извне в сферу личной свободы человека. Напротив, сутью такого типа социальности является защита свободы субъекта (в тех пределах, в которых она не нарушает свободу другого) и ничего более. Это значит, что субъект может иметь любую ценностную ориентацию, если он не проявляет ее деструктивным по отношению к другим субъектам образом. Например, патологический kleptomан и сторонник «воровской романтики» может являться полноценным участником таких социальных взаимодействий, до тех пор пока он

не совершает реальную кражу (при этом он может сублимировать свои специфические наклонности, допустим, слушая музыку соответствующей тематики).

Таким образом, общество норм должно служить гарантией соблюдения отрицательных прав человека, в то время как его положительные права реализуются в отдельных общественных подсистемах – различных обществах ценностей.

Важно отметить, что возможность формирования общества норм связана с развитием у человека абстрактного мышления. Без этого условия понимание человеком социальных взаимодействий не может выйти за рамки ценностного уровня. При этом о высоком уровне абстрактного мышления у человека во многом свидетельствует именно его этическое развитие, а не какие-либо другие интеллектуальные показатели.

Также следует отметить, что нормы общества норм, хотя все они и восходят к сформулированному Кантом принципу «каждый имеет право на свободу в тех пределах, в каких она не нарушает свободу другого», являются дифференцированной и развивающейся системой. Помимо давно известных этических законов, таких как «не убий» и «не укради», с развитием абстрактного мышления появляются новые нормы: соблюдение прав животных (в которых человек также начинает видеть субъектов), защита экологии.

Разумеется, представление о том, что существование в едином поле общества норм различных обществ ценностей само по себе обеспечивает такую социальную мобильность человека, которая позволяет ему самому выбирать социальную конфигурацию, полностью ему подходящую, является весьма идеализированным. Более того, репродуцирование культурной идентичности всегда в той или иной степени обеспечивается репрессивными мерами по отношению к членам общества (особенно детям и молодежи), направленными на формирование у них некоторых ценностей, и без этого вряд ли вообще может существовать какая-либо культура. Однако дальнейшее развитие либеральной общественной модели позволяет надеяться на то, что когда-либо удастся найти ту золотую середину, которая обеспечит сохранение и возрастание достижений и самобытности культур при минимальном уровне социального насилия над субъектом.

Проследить представленность в истории человечества таких типов социального взаимодействия, как общество ценностей и общество норм, является интересной культурологической задачей. Например, изложенная точка зрения позволяет дополнить наше понимание социокультурных процессов, происходивших в мире начиная со второй половины XIX в. В середине этого столетия достигла своей кульминации эпоха Нового времени и набирали все большую силу такие тенденции, как развитие рациональности и научного познания, прогрессизм, переход к либеральному общественному устройству. Однако к этому же времени у значительной части образованного общества возросла и усталость от этих тенденций, что во многом можно объяснить их фрустрацией в обществе норм (к тому времени уже в значительной степени сформировавшемся в странах с «западным» типом культуры). Дело в том, что у значительной части людей имеется потребность видеть свои ценности у-

верждаемыми на некотором более высоком уровне, чем их личное мировоззрение и жизнь, – на уровне общественном, государственном или метафизическом. В связи с этим в данный период появились и стали популярными концепции слабости культуры (Ницше), ее замены «цивилизацией» (Шпенглер).

В области мировоззрения и философии в это время впервые за несколько столетий доминирующей тенденцией оказался регресс, состоящий в намеренном отказе от развития рационального, позитивного видения действительности, разочаровании в нем, и отходе к типам мышления, ангажированным религией, старой и новой общественной мифологией, а также характерными для некоторых слоев общества психологическими тенденциями. В общественно-политической жизни это время было отмечено инициировавшимися под какими-либо предложениями революциями и волнами массового террора, в жертву которым слепо отдавалось множество людей, а также становлением тоталитарных государств.

В последующий период указанные тенденции, в своих реальных общественных проявлениях приведшие к тяжелым результатам, были во многом осуждены и преодолены. В конце XX – начале XXI в. основной тенденцией общественной жизни является стремительное развитие средств интерактивной коммуникации (Интернет, сотовая связь и т.д.) и сопутствующих им социальных практик и институтов (дистанционного общения и обмена информацией независимо от территориальных и политических границ, сохранения и распространения в цифровой форме культурных артефактов – книг, произведений искусства и т.д.). С этими тенденциями можно связывать надежду на развитие общества норм как основы для сосуществования различных обществ ценностей.

В заключение стоит сказать об обратной стороне запрета и его отмены. Запреты, будучи, с одной сторо-

ны, препятствием для реализации некоторых желаний людей и, таким образом, причиной снижения их удовлетворенности своей жизнью, с другой стороны, являются средством катализации интересов, стремления к их реализации и удовлетворения от нее. Как известно, запретный плод сладок. Более того, некоторые интересы и желания полностью конституируются именно наличием запретов.

Мы живем в интересный момент, когда подобные «костыли» мотивации интереса отпадают. Во-первых, в современном обществе действительно высок уровень культурного либерализма, практически отсутствуют запреты на доступ к информации, произведениям искусства и масскультуры, различным религиозным практикам. Во-вторых, современные средства телекоммуникации делают все это реально доступным: в Интернете легко найти информацию, литературу, музыку, кино, сообщества практически на любой вкус.

Как известно, внешне парадоксальным (а на самом деле вполне объяснимым) следствием этого является спад внимания к тому, что ранее вызывало бурный интерес. Запрет зачастую играет роль броской обложки для тех, кто стремится поставить что-то на полку. Человек же в ситуации культурного либерализма и современных возможностей телекоммуникации – это в некотором смысле аскет среди изобилия: ему доступно многое, но он выбирает лишь то, что ему действительно нужно. Таким образом, можно надеяться, что упомянутый выше специфический вещизм вскоре покинет сферу культуры, искусства, философии, а творческая энергия людей, энергия, позволяющая выходить за рамки данного, будет в таком случае направлена на преодоление реальных преград, а не необоснованных рационально, предрассудочных или волюнтаристских запретов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Shaw G.B.* Maxims for Revolutionists // *Man and Superman. A Comedy and a Philosophy*, by Bernard Shaw. Cambridge : The University Press, 1903.
2. *Popper K.R.* The Open Society and Its Enemies. Princeton. New Jersey : Princeton University Press, 1966. Vol. 2.
3. *Stace W.T.* The Concept of Morals. New York : The Macmillan Company, 1937.
4. *Кант И.* Метафизика нравов // Иммануил Кант. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4 (2).

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 19 марта 2012 г.